КНИЖКА-КОПЕЙКА

М. ВОЛКОВ

ЧЕРНОКНИЖНИК

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЧЕРНОКНИЖНИК.

Книжка, которую Сенька мне подарил, когда из Красной армии вернулся, «Скотский лечебник» называется.

И хлопот же мне книжка причинила — и-и — не оберешься.

А, может, на книжку и зря клеплю: пользу от нее своими глазами видел.

Вон у меня Сивко, который год какой-то болезнью страдает.

Все ничего, все ничего, да вдруг, ни с того, ни с сего, хлоп наземь — и пойдет кататься.

Просто ума не приложу, что и за болесть такая.

Народ говорит...

— «Чемер» у него.

Коновал поглядел...

— «Мышка», — говорит, под шкурой бегает...

Пытал он желваки шилом колоть, да сколько ни ковырял — «мышку» не выгнал.

Другой коновал «ноготь» из глаза вынимал. И тоже — толку ни на капельку.

Я уже было и жеребчика-стригунка Сивку на сменку присматривать стал.

Положил я Сенькину книжку на божницу, положил да и забыл.

На страстной старуха стала к празднику прибираться, слышу, заворчала:

— Эва, дурак старый, скотскую книжку на божницу кладет.

И книжку в лохань.

Схватил, — слава богу, не размокла, паутину стряхнул, пока, до поры до времени, прибрал.

На святой, от нечего делать, в книжку заглянул.

Перелистываю, картинки переглядываю, кое место и чтеньем пробегу.

— Мать ты моя родная!

Болезнь как раз Сивкова описана, а дальше и про леченье говорится.

Выходит совсем не то: мы болезнь знаружи искали, а она, оказывается, внутри сидит.

Загнул для памяти листок, чтобы при случае долго не искать.

И хорошо сделал, — скоро понадобилось. Нажрался Сивко первой травки, и заломало.

Я — в книжку, да по книжке: рукава засучил, руки маслом смазал и давай навоз из требухи выгребать.

Во́ какую гору нагреб.

Сивко фыркнул, головой мотнул и на ноги поднялся.

И с тех пор, чуть Сивко занедужится, я скорее за требуху.

Сивко телом наливаться стал, — проведешь рукой по крупу, уже в яму не провалишься, а словно на пригорочек ладонью взберешься.

Да и встречную кобылку без переклички мимо не пропустит.

Прослышал народ про мое леченье, так со всех сторон и потянулся. Перед избой каждый день — не то конская ярмарка, не то трактир на большой дороге.

Антроп, говорят, слово знает, в книжку заглянет, пошепчет и в момент скотину на ноги поставит.

С лошадей на народ перешел.

Не по своей воле перешел: уж больно тетка Секлетинья снохе помочь упрашивала. У снохи резь в животе часто бывает.

Подумал, подумал, отчего ж человеку не помочь, коли на пользу пойдет.

А сунулся в книжку — и затылок не раз почесал: не одна болезнь не подходит.

Я и сначала прочту, я и с конца перечту — все не то.

Я на попятную бы рад, да Антропу себя ронять не приходится.

Велел ложку дегтю выпить. Сказал наавось, а на деле — большая польза вышла.

И повалило после этого, брат ты мой, ко мне бабье лечиться, я уже и не рад, что лечить их стал. Да разве от них отвяжешься: от чорта хоть молитвой избавиться можно, — а от них же — ни молитва, ни брань не помогает...

Слышу, кума Матрена что-то занедужилась.

Родне да не помочь — грешно, и, не звавши — сам пришел.

У кумы скулу круглее брюквы разнесло.

В книжку...

И перелистать не пришлось: сразу болезнь подвернулась.

А бывало, что и в день насилу-насилу подберешь.

Да такая болезнь, что даже буквы в глазах закувыркались, а сам от кумы подальше отодвинулся.

— Сап!

А лечение при сапе: «пришибить, да скорее от заразы закопать».

Как тут быть?

С человеком — не со скотиной, да еще вдобавок с кумой, так не поступишь.

Опять в книжку: не ошибка ли какая вышла?

Может, и была бы ошибка, кабы кума носом не шмыгала, в книжке ясно сказано: первая на сап примета — из носу течь.

Хоть и знаю, что уже ни бог, ни лекарство не помогут, а все же куме в утешенье лекарства дал.

От Чалаго малость купоросного масла в пузырьке осталось.

Сильная болезнь и сильное лекарство требует.

Все-таки поопасался: Чалому целую ложку дал, а куме всего пол-ложки.

Кума еще при мне тряпицу маслом намочила.

Не успел я дверью из сеней на крыльцо хлопнуть, — слышу, в избе ровно поросенок заверещал.

Должно, думаю, болесть кумы лекарству поддаваться не хочет...

Поутру передают: куму в больницу отвезли.

Ну и народец! Лечи, Антроп, а потом скажут — доктор помог...

А вечером в сборную избу кличут.

Изба полна народу, за столом милиционер.

— Это ты Антроп будешь?

— Крестили так...

— Ага!..

И давай выспрашивать: кого, да чем лечил?

Я все без утайки рассказал, кому какую пользу оказал.

Может, думаю, власть отблагодарить меня хочет.

Я говорю, милиционер пишет.

Помянул про книжку, велел и книжку принести.

Принес.

Народ книжку завидел, зашептали:

— За эту черную книжку Антроп душу чорту продал?

Повернулся к народу и говорю:

— Подождали бы, пр.вославные, языком зря трепать... Про книжку ничего сказать не смогу; точно — чернее чугуна... При нашем деле — рук не намоешься... Что же касается души?.. Одно скажу: Антроп за раем не гонится, да и с чертями — ладить не станет...

Тут меня милиционер одернул, народ спрашивать стал: брал ли Антроп за леченье?

Спасибо, не позавидовали, а то, может, награду совсем бы на-нет свели. Кого не спросит — всякий отвечает: лечил Антроп от чиста сердца.

Только одна Карповна, соседка, начала клясться, божиться, будто бы своими глазами видала, как Антроп из лошади под хвостом вылезал, а как в лошадь влезал, она, греха на душу не примет, — видеть

не видела, но от людей слыхала, что колдуны завсегда через левое ухо проникают.

Я уже начал подумывать: каким манером власть отблагодарит меня: деньгами ли поможет, или бумагой от прочих отличит.

Что бы как деньгами!..

Милиционер, словно кипятком меня ошпарил:

— Счастье твое, Антроп, что ты лечил, да никого на смерть не залечил... Хотя тебе и придется за гражданку вашей деревни, которой ты лицо изуродовал, отвечать... Ну все же не так...

Стою, а язык ни бе, ни ме — не поворачивается...

Кума Матрена месяц в больнице вылежала.

На казенных хлебах растолстела, только рыло вроде как бы в сторону повело.

А меня и кумом больше не величает.

И без нее в деревне завеличали, так завеличали, что не знаешь: ни стерпеть, ни обругаться.

Комсомольцы, уж то ли не ладят со мной, и то чернокнижником кличут.

ЦЕНА 1 КОПЕЙКА

Главлит № 86135. Гиз № 19874. Зак. № 2311. Тираж 70.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.